

и находившихся в зависимости от крупных землевладельцев-феодалов.⁷²

Не менее тяжелым, чем на землях светских византийских феодалов, было положение зависимого крестьянства во владениях монастырей. Монастырские парики несли двойное бремя податей и повинностей: с одной стороны, своему владельцу-монастырю, с другой стороны — государству. Парики, жившие на монастырских землях, не имели права ни отчуждать свои участки, ни уходить с тех участков, к которым были прикреплены. Добиваясь прав экскусии, церкви и монастыри получали освобождение от налогов и повинностей также и прикрепленных к монастырю париков. Но положение париков от этого несколько не облегчалось, так как монастыри собирали в свою пользу подати с зависимых крестьян и заставляли их выполнять многочисленные повинности, аналогичные тем, которые несли парики на землях светских феодалов.

Для характеристики положения крестьянства на монастырских землях много ценных материалов дает работа М. Ласкариса.⁷³ Опубликованная им грамота показывает, что к середине XIV в. Ватопедский монастырь собрал громадные владения, главным образом за счет разорявшегося мелкого крестьянства. Мелкие крестьяне, жившие по соседству с монастырем, не могли устоять в борьбе с монастырем, который поглощал их участки, а их бывших хозяев превращал в зависимых париков.

Как и на землях светских феодалов, парики монастырей зачастую не выносили гнета эксплуатации и поднимали восстания против своих владельцев. От 1336 г. сохранился указ Андроника III, предписывающий принять меры к тому, чтобы парики монастыря Лемвиотиссы прекратили сопротивление, платили бы налоги и выполняли все установленные повинности (*τοὺς παρικοὺς ἐπὶ τῷ κατέχειν αὐτοὺς καὶ λαμβάνειν ἐξ αὐτῶν τοὺς ἐν αὐτῇ μοναχοῦς τὸ ῥηθὲν τέλος καὶ τὰ ἀπὸ τούτων ἀνήκοντα αὐτοῖς λοιπὰ παρικοικὰ δίκαια*).⁷⁴

В свое время Н. Скабаланович, рассматривая известный хрисовулл 1244 г., по которому предписывалось разыскать и вернуть всех париков, ушедших из монастыря Лемвиотиссы, на прежние места их поселения,⁷⁵ указывал, что этот хрисовулл „признается частною мерой, имевшею временное значение“. Тут же он писал, что за париками оставалось право перехода из одного владения в другое „по крайней мере до XIII в.“ и что только в этом веке можно наблюдать стремление ограничить передвижение крестьян, которое, однако, не привело к созданию законодательного акта, запретившего крестьянские переходы.⁷⁶ Ни одно из этих утверждений не может быть нами принято. В XI и первой половине XII в. прония получает настолько широкое распространение, что становится преобладающей формой крупного феодального землевладения. Уже в это время прониары превращаются в хозяев крестьян, живущих в их владениях. Рост церковно-монастырского землевладения в это же время поглощает массы свободного крестьянства, превращающегося на землях монастырей в зависимых париков. К началу XIII в. вместе с окончательным оформлением фео-

⁷² И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук. 1931, стр. 711.

⁷³ М. Ласкарис. Ватопедската грамота на царь Иван Асеня II. София, 1930.

⁷⁴ Miklosich-Müller, Acta, VI, p. 255.

⁷⁵ Ibid., IV, pp. 261—262.

⁷⁶ Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 267.